

Москва

Газета №

ПУТЬ СКАЗКИ

Есть старый сказочный мотив: царь морской (иногда сухопутный) приказывает Иванушке выбрать из сотни царских дочерей одну — в жены. Предупрежденный заранее, Иванушка выбирает правильно, — ту, которая ему всего более под пару.

В детском театре это обернулось иначе. Никем не предупрежденные, детские театры не всегда умели выбрать так правильно, как Иванушка. Часто они бросались на всякую сказку. А сказки-то ведь есть различные: одни советским детям ближе, другие более далеки. В том зерне, которое несет в себе всякая сказка, была обычно народная мудрость, но попадались и сказки с мелкой, кудей моралью мещанства, с чуждыми нам мыслями и чувствами.

После возвращения сказки в детский театр прежняя борьба за право существования сказки как жанра перешла в борьбу за углубление и рост ее внутри самого жанра. От сказки вообще к сказке советской! — таково русло, по которому потекла борьба за советскую сказочную пьесу. Но в этом основном течении было два рукава: одни авторы осваивали фольклорное наследство, другие пошли по пути создания оригинальной советской сказки.

При освоении сказочного наследия выяснились поучительные вещи. Оказалось, что всякая сказка, говорящая о доблести, о мужестве, о самоотверженном подчинении личных интересов какой-нибудь героической цели, имеет, как принято говорить, советское звучание. Но, вместе с тем, всякая попытка насильственно «озвучить» по-сегодняшнему сказку, не созвучную нашему советскому дню, столь же бесплодна, как попытка ударами полена по хрусталу добиться трубного гласа или соловьиной трели. У нас имеется целый арсенал штампованных средств для приспособления старых сказок к современности. Испытанным средством омоложения сказок является, например, превращение всех королей в злобных идиотов, обжор и выжиг. Иногда положительные герои сказок говорят, как скучный оратор на собрании. Но все это не помогает!

Однако там, где инсценируемая сказка несет в себе близкую и родственную нам мечту, — там под рукой талантливого советского драматурга сказка начинает иногда петь чудесным голосом, и песня эта в самом деле «звучит» для советского зрителя, как, например, в «Снежной королеве» Шварца, в «Финисте ясном соколе» Шестакова, в «Счастье» Малияревского и в некоторых других.

Такое живое, творческое претворение сказочного фольклора мы видим в новой пьесе «Анаит», написанной Мариэттой Шагинян на материале армянской народной сказки (по мотивам Хазароса Агасянца).

Царевич Арэг, разгоряченный охотой в горах, просит у встреченных им девушек воды. Но всякий раз, как кто-нибудь протягивает царевичу кувшин, Анаит, дочь пастуха, как бы дразня, толкает кувшин и выплескивает воду, не давая царевичу напиться. Наконец она сама поит его и объясняет: она не шалила, не дразнила, нет, она хотела дать ему простынуть, ибо разгоряченным вредно пить студеную воду.

Наперекор драматургическим штампам, М. Шагинян не только не изображает царевича мрачным идиотом, посрамленным Анаит, — она показывает Арэга пылким и благородным юношей и даже разрешает ему влюбиться в дочь пастуха!

...Ах, скажи мне, Бульбуль, позабыть я смогу ль
Хоть на день, хоть на час, на миг
Ту красавицу гор, и ее разговор,
Соловиный ее язык!
Мне еда не сладка, и постель не мягка,
И не милы ни сокол, ни конь,
Ни пиры, ни ружье, — только речи ее
И движений ее огонь!..

Царские сваты отправляются сватать Анаит за царевича. Но Анаит задает им вопрос: «Какое ремесло у царевича? Что он умеет делать?». Она отвергает царские дары — бадахшанские рубины и хрустальную чашу, она не пойдет за царевича, пока он не научится какому-нибудь ремеслу.

Созванные со всего царства, приходят во дворец люди труда: индийский ткач, занзибарский гончар, немецкий кожевник. Но царевич выбирает ремесло оружейника, он отправляется в Дамаск учиться ковать клинки — гибкие, как девушка, крепкие, как камень, пронзающие, как игла, узорчатые, как женщина. И живя царевича Арэга обогащается трудом: через труд завоевывает он любовь своей милой, через труд добывает самое дорогое — товарищей.

В свете проблемы трудового воспитания пьеса М. Шагинян предельно актуальна и «созвучна» по своей теме. К тому же она благородна и поэтична. Национальный колорит достигается в ней не дешевым приемом деформации русской речи, но средствами богатого, прекрасного русского языка. Прелестны песни, например та, которую поют девушки, несущие ягнят в горы к стаду матерей-овцев:

Овцы пасутся вверх, по горам,
Плачут ягнята вниз, по дворам.
Милые, ай йяй! —
Сердце весна взяла!
В полдень насытится вдоволь овца,
Блея, зовет своего сосунца.
Милые, ай йяй! —
Взявши, не отдала!

Наряду с «Анаит», счастливо воскрешающей старую сказку, мы имеем уже попытки создания оригинальной сказки о советской действительности. Лучшие из них — «Золотое перо» Н. Шестакова и «Волшебное зерно» А. Симукова.

Как-будто все очень просто в «Золотом пере». В колхозе живет бабушка, сын которой в борьбе за колхоз убит бандитами. Сын убитого, мальчик Гриша, получает чудесное золотое перо: всякое желание, написанное этим пером, исполняется, если оно разумно и служит не личной выгоде, а общей пользе. Враги пытаются обратить гришину перо в оружие своих темных дел, но козни их бессильны: перо возвращается к Грише, а враги разоблачены и наказаны.

Но за этой простой, почти банальной фабулой открывается второй план, сказочный, полный очарования и мягкого юмора. За каждым сказочным чудом и необылью стоит реальность бытия, действительного факта. И оба плана, реальный и сказочный, переплетены автором с настоящим искусством, приемом очень тонким и не назойливым. Все наивные желания, которые Гриша пишет своим золотым пером, оказываются легко выполнимыми в нашей стране, давно обогнавшей самые фантастические сказки. И в этой чистой, светлой стране нет места для нечисти. Прекрасно смелая сцена ночного совещания у Кашея, когда Ленгий и Русалка, напуганные колхозным строительством и техникой, просят о перемене своей квалификации: Ленгий хочет идти работать на лесопилку, а Русалка, впадая в неврастение от тараканов моторных лодок, собирается поступить на «приличную ставку» в цирк.

Уже в «Финисте ясном соколе» Шестаков обрадовал превосходным знанием фольклора и ярким, сочным языком. В «Золотом пере» мы видим дальнейшее развитие его таланта. У нас много говорят о «сокровищнице фольклора», но черпают из нее мало и лениво. Шестаков щедро использует не тронутый никем в драматургии материал народных былин и сказов, заклиний, песен, плачей и причитаний. Особенно хорош проходящий через всю пьесу сказ о Ленине.

...А раз в год Владимир Ильич просыпается,

Просыпается он, свет, пробуждается.
Поднимает над собой крышку стеклянную

И идет, как прежде, по Москве-городу.
А из Москвы идет он в большие города,
А из больших городов в города малые,
А из малых городов в деревни идет.
И везде-то смотрит очами зоркими,
Проверяет, так ли все делается,
Так ли все делается, как он учил.

И с улыбкой он возвращается,
Возвращается опять в мавзолей к себе,
А засыпаячи он шепчет: «Спасибо Сталину,

Сталин все делает, как я учил!».

Другой удачной советской сказкой является «Волшебное зерно» А. Симукова. Сказка забавно, весело и поэтично рассказывает о делах и днях своеобразного «колхоза», основателями которого являются девочка Марийка и мальчик Андрейка. Голодные, заброшенные дети, мечтающие о сладком, получают в подарок зерно сахарной свеклы. У марийкиного и андрейкиного «колхоза» есть друг, старый ученый доктор Пилюля, помогающий им выращивать свеклу. У них есть и враги — силы природы и злые люди. В их окружении есть и личности, сохраняющие пока нейтралитет. Это — тетка Катерина, выжидающая и гадающая: «Выйдет у них или не выйдет?» И глубокий индвидуалист кот Флегонт, отлынивающий от работы («Не могу-у-у, животом ма-а-аюсь!») и самовлюбленно мурлыкающий своему отражению в кадке с водой: «Ну, у кого еще такие усики, как у меня-у... у меня-у... мяу-у?»

Для своих сказочных персонажей Симуков умеет найти новые, очень свежие пороки краски. У Ветра — грива косматых волос и толстые надутые щеки. Он машет рваными рукавами и ухарски свищет так, что дети падают на землю. Иногда его зовут Перекасти-поле, иногда — Суховой. Он забывчив и неспособен что-либо запомнить: когда его просят передать что-нибудь в другую страну, он завязывает узелки на одежде. Рыжее Солнце похоже на загулявшего шкипера, с лицом в рябинах, оно раскачивается на сверкающей трапедии. А Дождь, в прорезиненном плаще, сидит на ветвях плакучей ивы, свесив жиденькие ноги в блестящих новеньких галошах, и горько плачет, трясая длинными волосами, похожими на зеленые водоросли.

Путь сказок в советском детском театре отнюдь не кончен. Сказки живут, мужают и крепнут. И есть все основания думать, что скоро мы увидим расцвет новой советской сказки, отражающей поэзию и мудрость нашей новой жизни.

Александра БРУШТЕЙН